

УДК 001(091)(470.62/.67) «1920-1930»

Калинченко Светлана Борисовна

НАУКА И ВЛАСТЬ: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1920-1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В статье раскрываются тенденции взаимодействия власти и науки на этапе ее институционализации. На примере Северного Кавказа показано влияние государства на становление научного пространства региона, особенности его формирования и развития в 1920-1930-е годы.

Ключевые слова: власть, научное сообщество, региональная наука, научный работник, научно-исследовательский институт.

Kalinchenko Svetlana B.

SCIENCE AND POWER: THE INTERACTION OF TRENDS IN RUSSIAN PROVINCE IN 1920-1930 (THE CASE OF THE NORTH CAUCASUS)

The article describes the trend of interaction between government and science at the stage of institutionalization. On the example of the North Caucasus shows the influence of the state on the development of space science in the region, especially its formation and development in 1920-1930.

Key words: power, the scientific community, regional science, scientist, Research Institute.

Проблема взаимоотношений ученого и власти, науки и государства обсуждается уже не одно десятилетие. Связано это с тем, что наука – это не только форма общественного сознания, направленная на объективное отражение окружающего мира, но и социальный институт. Как социальный институт наука объединяет индивидов, включает их в коллективную деятельность, оказывающую влияние на другие социальные структуры. В этом отношении справедливы идеи М. Фуко, который выделил две формы власти: ту, что связана с государством и его социальными институтами, и ту, что представлена сетью властных отношений и пронизывает все общество, все его сегменты. «Власть – это не некий институт или структура, нем некая какая-то определенная сила, которой некто бы был наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данной обществе» [1, с.192].

Для Фуко «знание сплетено с властью, оно лишь такая маска, сброшенная на структуры господства», научный дискурс не противостоит дискурсу власти. А является одним из его вариантов». Сама же власть представляет собой множественное и подвижное поле отношений силы, отношений различных сил, в том числе в науке, противоборство альтернативных групп, конкурирующих между собой в борьбе за ресурсы. За социальную поддержку и пр. [2, с.198]. С точки зрения М. Фуко, наука – это форма власти.

В реальной практике государственная власть, как правило, диктует науке приоритеты ее развития. С точки зрения государства наука должна реализовывать просветительские функции, способствовать развитию государства, поднимать международный престиж страны.

В отечественной истории проблема науки и власти представляет собой столкновение идей ученых и политических деятелей. Идеологические проблемы переплетались с морально-этическими взглядами ученых.

Взаимоотношения ученых и государства традиционно строились по различным направлениям деятельности. Государство законодательно регулировало социальный статус научных работников, определяло размер финансирования научных исследований, создавало организационные структуры управления наукой и высшей школой. В советский период времени это выразилось в проведении определенной научной политики, которая носила двойственный характер.

С одной стороны, прагматическое начало – осознание необходимости использования научных знаний в военной, хозяйственной, культурной деятельности. С другой стороны, власть стремилась к политической нейтрализации ученых, ее перевоспитанию различными методами в духе формирования марксистской, коммунистической идеологии.

Окончание гражданской войны и переход к мирному строительству означали для России наступление новой полосы развития. В сравнительно короткие сроки были сформулированы принципы новой экономической политики. Определенное место в планах НЭПа занимало научное сообщество страны. В конструктивном диалоге между учеными и властью были заинтересованы обе стороны. Ученые нужны были большевикам для решения научно-технических проблем, подготовки новых кадров специалистов. Ученые, понимая свою зависимость от государственного финансирования, стремились к сотрудничеству с властями.

Специфика первых лет НЭПа для ученых центральных вузов и научных учреждений страны отразилась в постановке для них ряда проблем со стороны государства: «сменовеховство», ликвидация автономии высшей школы, высылка выдающихся деятелей культуры за границу («философский пароход»), борьба с «церковной контрреволюцией».

Для регионального научного сообщества годы НЭПа имели ряд особенностей. Малочисленность научных работников на Северном Кавказе из-за отсутствия развитой системы научных учреждений (вузов, научно-исследовательских институтов) определяла взаимоотношения новой власти и «старой профессуры» в ином характере, чем в «центре».

В 1920–1925 гг., закладывались основы общегосударственного управления наукой, его региональная структура. В числе первых среди вузов Северного Кавказа были учреждены политехнический институт в г. Владикавказе и сельскохозяйственный институт в г. Ставрополе. Первыми научно-исследовательскими институтами являлись Бальнеологический институт в г. Пятигорске и Северо-Кавказский НИИ краеведения в г. Владикавказе. Практически отсутствовавшая в дореволюционный период связь между научным процессом и экономическим развитием края становится с этого времени центральной при формировании научных учреждений региона.

Следует отметить, что на Северном Кавказе преимуществом, как по количеству, так и по качеству научных работников обладал г. Владикавказ. В 1927 г. в вузах и НИИ города насчитывалось 70 научных работников, среди которых было 18 профессоров, 9 доцентов, 35 преподавателей, 6 научных сотрудников НИИ краеведения.[1, с.15]. Небольшие группы научных работников имелись в городах Ставрополе и Пятигорске, (от 10 до 40 человек), обслуживавших вузы, музеи, техникумы.

Главными направлениями исследований местных ученых были в основном естественно-научные и гуманитарные проблемы. Для изысканий в области прикладных наук в регионе не было серьезной материальной базы, достаточного финансирования, специальных кадров. Усугубляло ситуацию неразвитое образовательное пространство Северного Кавказа, низкий уровень грамотности местного населения. По данным 1920 г. в Горской республике общая грамотность населения составляла 15,1 %, а ее уровни колебались от 52,6 % – во Владикавказе, до 0,84 % – в Чеченском округе. Среди сельского коренного населения наивысший уровень грамотности был в Осетии, который составлял всего 14,7 %. Добавим к этому, что у балкарского, ингушского, чеченского и у многих народов Дагестана ко времени революции не было даже своей письменности. Естественно, что такой уровень грамотности существенно тормозил развитие экономики и культуры, науки всего Северо-Кавказского региона.

Состав научных сотрудников был представлен учеными, обладавшими опытом научных исследований и проведением методик полученных от академической дореволюционной науки. Это был период деятельности фанатов и подвижников науки, которые стремились в новых условиях реализовать свой творческий потенциал на благо Родины, Северного Кавказа. Во взаимоотношениях с государственной властью – это было временем продуктивного делового сотрудничества.

Многие ученые, так или иначе, взаимодействовали с властными структурами в процессе решения вопросов, связанных с деятельностью вузов, научных учреждений, общественных организаций, оказанием консультационных услуг различным ведомствам. Иногда они сами становились государственными служащими. Так, профессор Б. А. Алборов с 1920–21 гг. занимал

должность Заведующего отделом народного образования Осетинского округа, а с 1921 до октября 1923 г. – заместителя народного комиссариата Горской республики, с 1921 был ректором Горского Педагогического института. А. А. Тахо-Годи – возглавлял Дагестанский Наркомпрос и являлся председателем Дагестанского музейного комитета.

К концу 1920-х годов профессора и преподаватели вузов Северного Кавказа по социальному происхождению оставались, как правило, выходцами из имущих классов. Это подтверждают и данные, приведенные на бюро Северо-Кавказского крайкома в 1928 г. при анализе социально-партийного состава преподавателей вузов региона за первое десятилетие Советской власти. По социальному составу они распределялись следующим образом: выходцами из интеллигенции было 248 человека (35,2 %), из крестьян – 156 (22,9 %), из мещан – 104 (15,1 %), казаков – 58 (8,6 %), духовного звания – 53 (7,6 %), дворян – 37 (5,3 %), рабочих – 14 (2,05 %).

Несмотря на все принимаемые решения и проводимые мероприятия, в вузах Северного Кавказа процент преподавателей из рабочих и крестьян оставался ниже всероссийского – 2,05 % против 3 %. [4, с.15]. Это объяснялось аграрным характером экономики региона, низким уровнем образования местного населения.

С середины 1920-х годов Северный Кавказ был сориентирован советской властью на преимущественное развитие сельского хозяйства. В результате были открыты НИИ сельского хозяйства, расположенные на территории Ставрополя (Научно-исследовательский институт хлопководства новых районов СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства) и Дагестана, расширена специализация сельскохозяйственных вузов, агропедагогический уклон получили местные пединституты.

Структурные изменения затронули НИИ краеведческой направленности, массовое открытие которых свидетельствовало о рождении нового и важного качества науки, отражавшего во многом новый тип ее социальной организации. Особенность национальных НИИ краеведения состояла в том, что состав научных работников был представлен не титульными национальностями. Это было ученое сообщество, работавшее на условиях совместительства и в вузах и НИИ национальных областей. Кроме того, к краеведческой работе привлекались не только ученые, но и учителя, врачи, инженеры, т. е. специалисты различных отраслей хозяйственной деятельности. Их объединял объект научных исследований – природное, геологическое, культурное пространство Северокавказского региона.

Специфика национальных НИИ краеведения в республиках Северного Кавказа состояла еще и в том, что кроме научно-исследовательских задач они совместно с вузами решали образовательные проблемы, вели подготовку кадров.

Во взаимоотношениях власти и ученых, в отличие от столичных и центральных научных учреждений, активной политической борьбы в регионе не было в силу относительной аполитичности и малочисленности научных работников. Взаимовыгодное сотрудничество ученых и власти способствовало не только укреплению научных учреждений, но и подчинению их органам государства. В это время усилилась централизация, бюрократизация и политизация управления наукой.

Идеологизация преподавателей в высшей школы являлась ведущим направлением деятельности органов власти. 17 июля 1928 г. бюро Северо-Кавказского крайкома рассмотрело доклад «О состоянии вузов и подготовке кадра специалистов на Северном Кавказе». Основными препятствиями подготовки советского специалиста, по мнению авторов доклада, являлись «все еще недостаточная пролетаризация школы» и «недостаточное соответствие профессорско-преподавательского состава требованиям советской высшей школы». Для того, чтобы преодолеть это «несоответствие» предлагалось «взять более решительный курс на изъятие из вузов в научном отношении малоценных и политически враждебных Советской власти элементов», «предложить фракции КИКа оказывать содействие научным работникам, близко стоящим к Советской власти, в отношении создания более благоприятных жилищных условий для привлечения научных работников в вузы края»; «...в целях дальнейшего повышения научной квалификации партийных работников, считать научную работу основной партнагрузкой, максимально разгрузить их от посторонних занятий, считать необходимым представление научных командировок, как за границу, так и внутри страны».[7, л.15.].

К началу 1930- гг. на ученых и научные исследования решающее воздействие оказывали условия, цели и методы сложившегося тоталитарного режима, его установка на завершение создания социалистического общества. В условиях диктата партаппарата, функционирования административно-командной системы в стране, постоянных политических кампаний, расширяющаяся волна политических репрессий непоправимо ударила по кадровому потенциалу научных учреждений и вузов. Так, в списках профессорско-преподавательского состава пединститутов, освобожденных от работы по обвинению в антимарксистской деятельности за 1931–1935 гг. Отмечалось следующие формулировки: А. С. Гулуев ассистент по литературе – «как допустивший политическую ошибку во время сессии и как не владеющий марксистско-ленинской методологией в деле преподавания литературы», Ц. А. Мисиков – «снят с работы за протаскивание буржуазной идеологии, за грубые политические ошибки и неправильные установки в преподавании» (был профессором по гигиене и врачом института). С. П. Дубкин – доцент русского языка и литературы – «за проявление великодержавного шовинизма, за протаскивание контрреволюционной пропаганды в учебниках для кабардинских и черкесских школ и за непризнание своих ошибок». О. А. Михайлов, доцент физики, «как бывший эсер, использовавший часы академических занятий для рассказывания антисоветских контрреволюционных анекдотов». И.О. Цмыч и. о. доцента древней, средней и новой истории – «за идеализацию Троцкого и обман партии» и т. п. Из пяти педвузов, существовавших в изучаемом регионе в тот период, было уволено с работы 19 преподавателей, фактически каждый пятый преподаватель.

Продолжала укрепляться сельскохозяйственная ориентация региональной науки благодаря включению территорий всех республик Северного Кавказа и Ставрополя в деятельность образованных сельскохозяйственных НИИ. В это время в регионе было образовано и действовало пять педагогических, три сельскохозяйственных, два технических, три медицинских вуза. Специализация высшей школы определялась, прежде всего, практической экономической целесообразностью данного региона. Особенностью их создания было то, что они готовили кадры с учетом региональной специфики.

Итак, на рубеже 1920–1930-х гг. произошел процесс окончательного подчинения науки задачам социалистического строительства. Об этом свидетельствуют не только многочисленные политические кампании, направленные на разоблачение «врагов» народа, кадровые чистки, но и изменение критериев качества научной квалификации преподавателя. Сравнение списков штатного профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений Северного Кавказа 1920-х и 1930-х годов показывают, если в первой половине 1920-х годов значение имели научный, преподавательский стаж работника, количество изданных им научных трудов. [2, л.14]. С конца 20-х годов в качестве критериев квалификации научных работников вводятся партийность, социальная принадлежность, национальность, ученая степень, ученое звание, общий стаж работы, образование. В результате такой политики произошел отсев «старых» и «формирование «новых» кадров ученых региона.

В вышеизложенных фактах четко прослеживается тенденция уже сложившегося бюрократического механизма управления, стремление оправдать просчеты своей работы существованием вымышленных врагов.

Запущенный маховик политических разоблачений продолжал работать как в обществе, так и в отношении научной интеллигенции и в последующие годы, что подтверждается многими документами. Приведем лишь один. В августе 1937 г. бюро Дагестанского обкома партии заслушало дело о директоре мединститута Ф. Р. Бородулине, который «в 1929 г. первичной комиссией по чистке парторганизации ИКП в Москве был исключен из рядов ВКП (б) за защиту реакционной профессуры (Плетнева и других). [3, л. 27]. В 1937 г. при обсуждении на собрании профессорско-преподавательского состава статьи «Правды» о садисте Плетневе Бородулин вместо того, чтобы выступить и дать политическую оценку, разоблачающую Плетнева, этого своего учителя в прошлом, демонстративно покинул собрание». Ему было предъявлено еще несколько обвинений, и, конечно, он был исключен из партии и снят с работы.

Такая репрессивная политика в отношении научно-преподавательских кадров не могла не сказаться отрицательно на работе вузов. Но такими жесткими методами государство подчиняло себе процесс научной деятельности ученых. Приведенные данные показывают, что изме-

нения в составе научно-педагогических кадров высшей школы Северного Кавказа в целом отражало общегосударственную политику в отношении ученых.

Форсированное увеличение численности научных работников, в 1920–1930-е годы, социальные чистки, занижение профессиональных и применение политических критериев отбора, аттестации и продвижения исключали здоровую конкуренцию в науке и имели следствием снижение уровня квалификации научных кадров. Власть в лице государства являлась более значимой в системе общественных отношений, чем наука.

Вместе с тем, целенаправленная государственная политика по формированию системы научных учреждений способствовала становлению научного пространства на Северном Кавказе. Однако в период 1920–1930-х гг. в российской провинции ученый еще не стал самостоятельной и независимой властью, способной влиять на социокультурные и иные процессы в регионе.

Литература

1. Воскресенский А. И., Сретенский Н. Н. Научные работники и научные учреждения Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1927.
2. ГАРФ Ф.Р-2306. ОП.70. Д.3400. Л.14–33.
3. ГАСК.Ф. Р. 89.Оп.1.Д. 45.Л. 27.
4. Народное просвещение, 1927, № 2. С.15.
5. Сокулер З. К. Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко // Знание власть: наука в обществе модерна. Спб, 2001.
6. Фуко М. Воля к истине: по Ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
7. ЦХДНИРО. Ф.7. ОП.1. Д.681. Л.15.

УДК 94 (479) “18/1917”

Лазарян Сергей Степанович

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ХОДЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В статье показано, как обстоятельства места в условиях Кавказской войны создавали причудливое сочетание способов и форм взаимодействия между горцами Кавказа и русскими, обогащая обе стороны этническими артефактами и знаниями, образуя систему межкультурной адаптации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; заимствования; горцы; кавказцы; факторы; прочные связи; Кавказская война; плен.

Lazaryan Sergey S.

THE SPECIAL FEATURES OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE COURSE OF CAUCASIAN WAR

The article shows the way the circumstances of place created the quaint combination of methods and forms in the interaction of Caucasian highlanders and Russians, enriching both sides with ethnic artifacts and knowledge, forming the system of intercultural adaptation.

Key words: intercultural communication; adoptions; highlanders; Caucasians; factors; strength connections; Caucasian war; captivity.

Поскольку общение есть форма коммуникативной деятельности и существования всех обществ [1, с. 245], горские общества, весь мир Кавказа не могли избежать взаимодействия с миром России, который нарастающее активно врывается в их географическое и социальное пространство на протяжении длительного времени.